

УДК 130.2

Конончук Д.В.

Цивилизация и ее Тень

Civilization and its Shadow

В статье производится понятийный анализ термина «Цивилизация» в контексте ее взаимоотношений с периферийными феноменами – первобытной культурой и теневой субкультурой, а также проводятся структурные параллели между последними.

Ключевые слова: *цивилизация, превращенная форма, теневые структуры, криминальная субкультура, варвары, первобытная культура, шансон.*

In the article the conceptual analysis of the term «Civilization» in a context of its mutual relations with its peripheral concepts – primitive culture and shadow subculture is made, and also structural parallels between the last are drawn.

Key words: *civilization, modified form, shadow structures, criminal subculture, barbarians, primitive culture, Russian chanson.*

Истина входит в собственную тень
Цзун Бин, V в.

Сразу же определимся с понятиями. Под Цивилизацией мы будем подразумевать стадию общественного развития, характеризующуюся наличием государственности.

«У каждой вещи есть своя тень», – этот диалектический по сути принцип китайские дипломаты исповедовали еще в VI в. до н.э. [7, с. 137], впрочем, вероятно, и раньше, если мы вспомним, что иероглифы *инь* и *ян* разоблачают исходную форму собственных понятий именно как «теневую» и «освещенную» сторону некоего «холма». Что же есть Тень в отношении Цивилизации, и вообще, есть ли она, эта Тень? Язык указывает¹ нам на многочисленные «теневые структуры»: «теневая экономика (рынок, бизнес, импорт, экспорт...», «теневые короли (правители, магнаты...)»² и даже «теневая армия». Приглядимся: опасность ухода «в тень» оказываются почему-то заражены феномены, так или иначе составляющие существо Цивилизации. Тень Цивилизации не прячется,

¹ «Язык говорит» («Die Sprache spricht»), одна из фундаментальных установок хайдеггеровского метода деструкции как установления исходных смыслов понятий.

² Семантика выражения «теневое правительство (кабинет, министр...)» несколько иная и здесь нами не рассматривается.

она громко обнаруживает себя, и нашей целью будет являться существенный анализ феномена, который кажет себя как Тень Цивилизации.

Сама категории Тени, взятая в отношении социокультурного мира, обладает интуитивной понятностью. Нам не нужно лишний раз объяснять, что может подразумеваться под «теневой экономикой» или «теневым магнатом». Но и более того: сами по себе теневые отношения всегда просты. На их усвоение почему-то уходит минимум времени и сил; социализацию в пространстве Тени индивиды проходят быстро и, часто успешно. Не потому ли, что эти отношения есть *примитивные* отношения? Примитивные в той английской семантике слова primitive, которая вобрала в себя не только более позднее значение «устарелости» и «старомодности», но и то исходное значение латинского primitivus, на которое влюбленной в свою «прогрессивность» новоевропейской культурой эта «устарелость» была высокомерно наложена – «первичный», «исходный», «самый ранний». Тень оказывается *раньше* того, что ее отбрасывает. Это может показаться парадоксальным. Но, как любил повторять Теодор Моммзен, мировые события, идя на землю, бросают вперед свои тени. Леденящая зимняя ночь не дает нам забыть о том, что мрак и холод – все-таки естественное состояние Вселенной. Разве не страх, не ужас охватывает вслед за осознанием этой простой, совершенно очевидной мысли? Но смелость – это не отсутствие страха, это победа над ним. Страх необходим для рождения смелости, – ровно так же, как: чтобы во Вселенной мог родиться и жить свет, пространством для его рождения и жизни должна стать тень.

В европейских языках присутствует и еще один уровень, где Цивилизация и ее Тень вышли на уровень демаркации. Известно, что слово «цивилизация» – новоевропейского происхождения, как известно и то, что латинское civitas есть «государство», «гражданство» или «сообщество граждан» и в греческом соответствует ему πόλις. Люсьен Февр, подвергший понятие цивилизации специальному исследованию, отмечает одно новоевропейское понятие, послужившее предтечей «цивилизации». Он пишет: «Было, однако, нечто более высокое, чем «politesse», то, что старые авторы именовали «policie» – словом, которое очень нравилось Руссо, а более новые – «police». Над народами «civilis», над народами «polis», бесспорно, возвышаются народы «polices»... «Police» – слово, которое вводит нас в сферу права, администрации, управления. В этом сходятся все авторы, начиная с Робера Этьенна, который в 1549 году в своем «Словаре» переводит «citez bien policees» как «bene moratae, bene constitutae civitates» [города с добрыми нравами, хорошо управляемые], и до Фюретьера, который писал в 1690 году: «Police» – закон, правила поведения, которые следует соблюдать ради существования и поддержания государства и человеческих обществ вообще; противопоставляется варварству» [9, с. 251]. Ныне языковая предтеча Цивилизации не забыта, номинируя полицию, тот необходимый атрибут Цивилизации, что по своей функции противостоит «теневым структурам» и при этом помнит о столь благородном происхождении своего имени. Язык говорит нам, что полиция не просто действует от имени Цивилизации, но изначально подверглась ассоциации с нею, приобрела ее имя, короче, выступала в глазах социума как... сама Цивилизация.

Рассматривая primitive, мы говорили о простоте, и именно в значении «простоты» оба семантических круга понятия – «исходности» и «устарелости» – пересекаются. Но и помимо «простоты» есть еще одно значение, где подобное пересечение происходит. Это значение «первобытности». И вот здесь нам следует вспомнить, что именно «первобытность» является терминологической противоположностью «цивилизации». Старая, фергюсоновско-моргановская иерархия стадий общественного развития

«дикость-варварство-цивилизация» в подобном контексте оказывается по-прежнему рабочей. В дальнейшем под Первобытностью мы будем понимать доцивилизационные формы общественного развития, при этом все же склоняясь более к предцивилизационному «варварству», нежели к «дикости». Итак, высвечиваются три актора. Первобытность выступает как Тень Цивилизации.

Каковы онтологические основания последнего утверждения?

М.К. Мамардашвили принадлежит разработка концепции превращенной формы – особого рода реальности, возникающей в системных образованиях. Превращенная форма представляет собой структуру внутрисистемных отношений, выступающую на поверхность системы, преимущественно в ситуациях аннигилирования, вытеснения или камуфлирования, «замазывания» (термин Мамардашвили) определенных структурных элементов. Превращенная форма функционально компенсирует собой эти выбывшие элементы либо отправляет их в тень, маскирует их реальное существование, тем самым продлевая их жизнь в системе в целом. По Мамардашвили, превращенная форма обладает рядом свойств. Так, возникая в качестве функционального эрзаца и будучи обращенной к наблюдателю, она обретает качество реальности и способна сама воздействовать на жизнь системы в целом [8, с. 269-271].

Очевидным примером превращенной формы является, скажем, любой символ. Он относит нас к континуальному смыслу, к идее, но не к вещи, хотя сам при этом может заключаться в материальном теленосителе, парадоксально участвующем в выражаемой идее. Поэтому, как справедливо отмечал Ю.М. Лотман, смысловые потенции символа всегда шире каждой данной конкретной их реализации [5, с. 242]. Миф, возникающий на символической основе – тоже превращенная форма, и М.К. Мамардашвили приводит пример мифологической по сути объяснительной схемы, связанной с капиталистическим производством [8, с. 278].

Специфическую интерпретацию превращенной формы дал С.Е. Ячин: «Смысл становления можно выразить и иначе, полагая, что каждая последующая фаза развития наслаивается на прежнюю историческую форму. При этом прежняя форма не ликвидируется, не снимается, не низводится до «локального включения» в новый состав, но продолжает жить в своей собственной логике, испытывая при этом вторжения, деформации, превращения от наслоенной формы» [11, с. 10]. У него, как и у самого М.К. Мамардашвили превращенная форма, как таковая, не несет в себе какой-либо негативной окраски, что обусловлено онтологическим, «доэтическим» статусом понятия. Однако этико-аксиологическое напряжение онтологических схем тем выше, чем ближе к практике. А это значит, что превращенная форма, скрывая определенные элементы системы, отправляя их в тень, вовсе не обязательно будет действовать во благо системе в целом. Она вполне способна – в наиболее радикальной форме – обеспечивать паразитическое существование самих этих «теневых» элементов за счет системы. В менее радикальной – стать способом структурирования предпосылочных отношений в «теневую» часть системы.

Цивилизация есть система, и «теневые структуры» возникли в ней не сами собой, и не как дикий сорняк, случайно занесенный на культивируемое поле. Филогенетически они произрастают из доцивилизационных социальных форм. Иными словами, Тень Цивилизации есть ни что иное, как превращенная форма Первобытности, пребывающая в Цивилизации в измененном виде и паразитирующая на ней. Следует особо подчеркнуть, что характер превращенной взаимосвязи между Первобытностью и «теневыми структурами» можно постулировать таким

образом, но не наоборот. Все-таки Первобытность до Цивилизации сама являлась системой, и вряд ли ее можно упрекнуть в какого бы то ни было рода паразитировании. «Тенью» она стала тогда, когда исчезла субстанционально, обратившись в превращенную форму, функционирующую в новых исторических условиях. Утверждать историческую тождественность первобытного и теневого мировоззрения было бы крайне поверхностной спекуляцией. Еще раз подчеркнем: речь идет о том, что «теневые структуры» лишь имеют свойство функционирования в соответствии с первобытными архетипами, причем там, где цивилизационное начало кажется своей слабину или невнимательность.

Оставшуюся часть статьи мы посвятим развитию тезиса о «теневых структурах» (в дальнейшем – Тени) как превращенной форме Первобытности.

Может показаться парадоксальной всегдашняя живучесть родившегося в условиях Первобытности Мифа или, скажем, социальных отношений первобытного уровня. На самом же деле причины, по которой Первобытность оказывается столь живучей, очевидны и располагаются на поверхности системы Цивилизации. Их способна высветить все та же семантика primitive. Сложные системы не всегда более эффективны, но, всегда более уязвимы. Цивилизация есть сложная макросистема с многофакторным, чаще всего, длительным во временном отношении генезисом и развитой структурой, необходимой для саморегулирования и самовоспроизводства. Примитивное же есть первое и простое. В результате как только Цивилизация в силу каких-то причин в любой из областей (политической, экономической, культурной...) начинает сдавать свои позиции, оставленное ею жизненное пространство тут же оккупируется выползающей из Тени Первобытностью. Последняя не только не требует обширных социокультурных ресурсов, но и на свет появилась задолго до их обозначения, будучи направленной на простое, преимущественно чисто биологическое самовоспроизводство через удовлетворение простейших потребностей, отвечающих за гомеостаз.

Как известно, исторически мировая цивилизация расширяла свой ареал за счет наступления на первобытную периферию. История знает примеры, когда Первобытность брала реванш, и ослабевшие цивилизации под ее внешним, и, что более важно, «внутренним» натиском терпели крах. В XV-XI вв. до н.э. на территории всей Евразии крупные и значимые древние цивилизации подверглись масштабному натиску варварской периферии (т.н. «Первое великое переселение народов» или Bronze Age Collapse), причем свою роль в этих процессах сыграла не только активность варваров, но и упадок самих цивилизаций. На полтора столетия оказался под властью гиксосов Египет, а Ахейская Греция, Хеттское царство и шанское государство в Китае прекратили свое существование. Но еще более показательна здесь судьба Западной Римской Империи. Рим не столько пал под внешним натиском варваров, сколько варваризовался изнутри; культурный коллапс Античности предшествовал политическому коллапсу Рима.

Первобытная культура и «теневая» субкультура Цивилизации имеют целый ряд общих элементов. Здесь не место для обширного историко-культурного анализа, просто наметим эти общие аспекты.

1) Низкая ценность человеческой жизни. По словам Дж. Даймонда, «Гораздо более масштабные и долгосрочные наблюдения за кочевыми общинами и оседлыми племенами показывают, что главной причиной смертности в них являются именно убийства» [2, с. 353]. В криминальной сфере термин «брат» или «братва» не случаен. Он характеризует не только внутреннюю замкнутую самоидентичность криминального социума, но и еще кое-что: способ предотвращения конфликтов. «Когда в

живущей традиционным укладом Новой Гвинеи двум незнакомым людям доводилось случайно встретиться вдалеке от родных деревень, они начинали обстоятельно беседовать о своей родне – с целью найти между собой хоть какую-то связь, которая могла бы послужить им основанием не убивать друг друга» [2, с. 345].

2) Ориентация на присваивающие экономические формы. Современную Цивилизацию часто обвиняют в потребительстве, но для того, чтобы потреблять, Цивилизация неизбежно *производит*: надеется ей больше не на кого. А Первобытность и Тень только потребляют, потребляют то, что произведено другими, а, соответственно, Природой и Цивилизацией. В XV-XVI вв. целая серия войн варваров против минского Китая была вызвана всего лишь нежеланием последнего вести с ними торговлю [3, с. 149-150]. Паразитирование на Цивилизации есть способ существования данных структур. Неслучайно *воровской закон* предписывает «не работать ни при каких условиях» [1, с. 13].

3) Опора на традицию и мифологический способ мирообъяснения. Криминальные термины «правильный» и «нормальный» (в отношении каких-то явлений из своей сферы) манифестируют собственную когнитивную и ценностную системы как единственно возможные, и выдают теневой субкультуры на сознательное ограничение познавательного горизонта и рефлексии. Миф укрепляет социум, это очевидно. У теневой мифологии есть еще одна сторона, подчеркнутая в свое время Ю.М. Лотманом: она всегда стремится объявить Тень правой. «мне приходилось иметь дело с людьми, соприкасавшимися с уголовным миром. Меня интересовали эти люди. Я заметил такую черту, очень распространенную, как сентиментальность, повышенную жалость к себе, чрезвычайную готовность поплакаться над своей судьбой. Очень часто это сочетается с жестокостью, даже, более того, она подразумевается. С этим, между прочим, связан фольклор уголовного мира, он всегда сентиментален, всегда рассчитан на то, чтобы вызвать жалость, и поэтому герой его называется, как правило, «бедный мальчонка». Отождествление себя с ребенком и представление обидчика, что он – обиженный, и отсюда обычная норма хамского поведения – то, что в Уголовном кодексе назвали бы превышением меры обороны» [4, с. 477-478].

4) Жесткая внутренняя стратификация и подчиненная ей система символизации. В сравниваемых нами двух культурных мирах человек на протяжении жизни может сменить несколько имен (только внутри самого мира; для внешних действий могут потребоваться и другие имена). Тень не изучала историю Первобытности, но к необходимости инициаций (т.н. прописки) пришла сама. Точно также дело обстоит со специфической символикой, например, с татуировками, которые есть не просто украшение, но целые потоки информации об их носителе. Табуирование предметов – тоже характерная черта и первобытной культуры, и теневой субкультуры.

5) Маргинальность в глазах Цивилизации. Тот факт, что представители древнейших цивилизаций резко отмежевывали от себя варварскую периферию как лишенный культуры Хаос, известен и хорошо изучен. Он прослеживается на примерах древних египтян, греков, римлян, китайцев... У последних термины «вэньхуа» (文化) и «вэньмин» (文明), обычно переводимые как «культура» и «цивилизация», содержат в себе значение вэнь, письменного знака; тот, кто не владеет вэнь – варвар уже в силу одного своего невежества. Двойная семантика греческого βάρβαρος – «иноземный» и «бескультурный» также хорошо известна. Аспект маргинальности Тени интересен тем, что служит показателем духовного здоровья самой Цивилизации. Сегодня от речи и поступков вполне цивилизованных российских людей, разит дыханием Тени, се-

годня Тень претендует как минимум на толерантность к ее ценностям в целом букете жанров массового искусства. Сегодня наша Цивилизация больна. Все-таки не случайно пик разгула криминала в 90-е гг. был назван «Ледниковым периодом»...

Все эти проявления общности Первобытности и Тени (кроме последнего, разумеется) объединяет одна существенная характеристика. Они ориентированы на функциональность. Для всего, что выходит за пределы простых физиологических потребностей, в Первобытности оставался мизер культурного пространства, даже первобытное искусство главным образом функционально. В «теневых структурах» Цивилизации подобное пространство еще более сужается. Раз за разом, попытки Тени создать собственное искусство за редкими исключениями приводят к созданию эстетичных, ублюдочных поделок, то есть к саморазоблачению Тени как Тени. Но бывают произведения иного рода. Создание культурного продукта для потребления внутри Тени иногда берут на себя вполне легальные представители искусства, тем не менее идентифицируемые Тенью как «свои». Происходит так оттого, что какие-то феномены организованной и легализованной культуры Тени необходимы, и именно этой формальной, внешней легализованности вкупе с внутренне-теневыми сюжетами (подчас вне хоть какой-то опоры на реальные условия теневой жизни) для признания в Тени уже достаточно. Типичным примером такого сорта феноменов является «российский шансон».

В качестве примера возьмем одно, не лишённое любопытства произведение. Это песня «Девочка-пай» (музыка и слова М. Круга). В одном из своих интервью Круг в ответ на вопрос «То есть тяга к нарушению закона у нас в крови?» изложил свои убеждения следующим образом: «И это неплохо. За границей – беспредел закона. То есть авторитет там ничего не значит, любая мандавошка может написать на своего начальника, человека, убеленного сединами, имеющего авторитет и большую семью, что она у него брала в рот и опозорить его перед всем миром... А у нас – все наоборот: авторитет стоит над законом. Так и должно быть – это единственное для нас, для России нормальное существование» [6].

Сюжет песни следующий. Персонаж, от имени которого ведется повествование, «жиган и хулиган», заимел виды на «девочку-пай». Присутствует описание достоинств «девочки-пай» в следующем виде:

В нашей Твери нету таких
Даже среди шкур центровых.

От персонажа объект его желания тщательно оберегают. И со временем на этот объект находится другой охотник. Но персонаж не потерялся:

Но как-то под вечер в подъезде
К нему подкатил я слегка.
Он нес тебе розы, а я ему съездил
От всей души, с левой, крюка.

Вообще-то, по неписанным мужским законам такого рода споры обычно решаются способом заранее оговоренной дуэли, способом, который считается благородным. Этими законами руководствовались и руководствуются в подобных случаях мужчины, от рыцарей и мушкетеров до дворовых мальчишек. Но то ведь *цивилизованные* мальчишки, те, которые знают, что нападение на врага из засады в момент, когда он не готов к бою – подлость. Это Первобытность не знает другой боевой тактики, кроме нападения из засад, разве что нападение превосходящими

силами [2, с. 361].

Эмоциональный запал песни, припев которой начинается со вздоха о том, «как было тепло», поистине драматичен. Песня рвется рассказать людям о том, что человек пострадал. Человеку нужна была шкура. Он эту шкуру очень хотел, но те, кто шкуру вырастил, почему-то решили отдать шкуру не ему, а другому (привет постмодернистам). Это, само собой, несправедливо. Человек этого другого подкараулил в самый неудобный для того момент, и избил. Его, надо полагать, за этот подвиг, «взяли», а это уже, без сомнений, просто верх несправедливости. Ну и, конечно, повод к тому, чтобы под личиной силы и маскулинности поплакаться публике над своей горькой судьбой.

Характерно, что автор почти не озаботился тем, чтобы вставить в сюжет отношение к главному персонажу песни самой девушки. Собственно, девушка как субъект в песне вообще отсутствует. Уровень подачи ее образа в песне рисует нам привлекательное, ухоженное, обученное необходимому, и при этом бессловесное, совершенно безмолвное существо. Судьбу ее решает кто угодно, только не она сама. Ее не хватило даже на то, чтобы уподобиться героине другой приклатенной песенки, которая, «волнуясь, села на карниз и с ужасным криком ринулась вниз» (правда, непонятно, зачем понадобилась сия акробатика, ну да ладно). Девушка здесь – вещь, на которую смотрят. Эта вещь создана Цивилизацией, и сам автор не без сожаления свидетельствует, что в его обществе подобное творение невозможно. Фактически автор, разумеется, сам того не ведая, рисует нам жадный взгляд – взгляд, брошенный на творение Цивилизации из ее Тени. Творение это желанное, отсюда и похоть, что принимает в этом взгляде форму культурной зависти. Этот взгляд сущностен для Тени, которая просто не способна существовать без того, что эту Тень отбрасывает.

Но все же Первобытность рано или поздно обращается в Цивилизацию. Новоевропейская цивилизация возникла из варварских общин, пусть и на солидном античном фундаменте. Современное стремление теневых структур к слиянию с властью – тоже объективный процесс. Но если в первом случае Тень преобразилась в Цивилизацию, то во втором Тень вторгается в Цивилизацию, оставаясь при этом Тенью и подчиняя свою носительницу, как вирус клетку.

Как пример, героизация наших собственных внутренних первобытных побуждений есть предприятие, возможное только внутри Цивилизации. Воры, убийцы, «жиганы и хулиганы» таковы только в своей субкультуре, героями их делает Цивилизация; происхождение многих легендарных героев Древности, судя по всему, именно теневое. Великий мудрец XX века Карл-Густав Юнг вложил в понятие «Тень» значение всех негативных качеств человека, присутствующих в его психике, но отвергаемых сознанием. «К несчастью, человек в целом, без сомнения, хорош куда менее, чем он о себе думает или чем ему хотелось бы быть. Каждому из нас сопутствует в жизни Тень, и чем меньше она присутствует в сознательной жизни индивида, тем чернее и больше эта Тень. Если нечто низкое осознается, у нас всегда есть шанс исправиться... Мы несем в себе наше прошлое, а именно, примитивного, низкого человека с его желаниями и эмоциями. Лишь приложив значительные усилия мы можем освободиться от этой ноши» [10, с. 182]. Незванный гость, *παράσιτος*, который является в дом вместе с гостем желанным и располагается помимо воли хозяев, мудрыми греками именовался словом *σκιά*. Дословно *σκιά* означает «тень». Правило превращенной формы свидетельствует о том, что явление вслед за Цивилизацией ее Тени неизбежно. Казалось бы, это данность, которую мы должны принять: устранить эту «шутку Аполлона» не в наших силах. Пустое, бесплодное занятие по-гречески

есть σκιάμαχία, бой с тенью. Но все же на вопрос, возможно ли Цивилизации победить свою Тень, рано давать однозначный ответ. При этом история говорит нам, что Тень одержать победу над Цивилизацией способна. Об этом нельзя не помнить, как и о том, что тень Первобытности готова вырваться наружу из каждого из нас. Слишком тонок тот слой культуры, которым мы, люди, сформированы, и при чьем-то направленном намерении слишком легко бывает его содрать. Борьба за Культуру, борьба за Цивилизацию неминуема. В борьбе этой новый смысл обретает знаменитое чудесное заклинание из замечательной сказки Евгения Шварца «Тень»:

– Тень! Знай свое место.

Литература

1. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. М., 2001.
2. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. М., 2009.
3. Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990.
4. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре // Его же. Воспитание души. СПб., 2005.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Его же. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001.
6. Максимов М. Михаил Круг: «Времена «быков» давно ушли. А если кто «забыкует», я могу и сам заехать в роговой отсек» // Тайный советник. № 10.
7. Малявин В.В. Конфуций. М., 2010.
8. Мамардашвили М.К. Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений) // Его же. Как я понимаю философию. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1992.
9. Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Его же. Бои за историю. М., Наука, 1991.
10. Юнг К.-Г. Психология и религия // Его же. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991.
11. Ячин С.Е. Человек в последовательности событий жертвы, дара и обмена. Владивосток, Дальнаука, 2001.